

***КРЕМУЦИЙ КОРД.* Соч. Н. Костомарова. СПб. 1862 г.**

Сочинение г. Костомарова не принадлежит к той тесной области искусства, которая называется беллетристикою. Это просто сделанное в драматической форме историческое исследование царствования римского императора Тиверия, который довел тиранию до той степени утонченности и подозрительности, что даже напоминание о старом Риме считал личным оскорблением, могущим привести к невыгодным для него сравнениям. В этом смысле труд, предпринятый г. Костомаровым, исполнен им весьма добросовестно. Историк Кремуций Корд обвиняется в том, что в сочинении своем «Анналы Римской республики» написал похвалу Бруту и, говоря о Кассии, употребил выражение, что он был последним из римлян. Отыскиваются наемные обвинители; жертва заранее облюбована и заранее обречена, но Тиверий хочет, чтобы она была обречена на законном основании. Напрасно Кремуций Корд оправдывается примерами Тита Ливия, Азиния Павлиона, Мессалы Корвина, которые тоже называли Брута и Кассия «людьми знаменитыми»; напрасно говорит, что он историк, только историк, а не политический человек, — сенат осуждает его на бессрочное тюремное заключение. Кремуций Корд не выносит этого и предпочитает смерть неволе; он отказывается от пищи и на десятый день испускает дыхание, произнося: «Скажите Тиверию, что история отомстит за историка».

Но дело не в факте, на котором построена драма, дело в подробностях, рисующих римскую жизнь того времени. Вот как изображает тогдашнюю правительственную тактику любимец Тиверия, Сеян, обращаясь к Юнию Вибию, явившемуся с доносом на своего отца, которым этот последний обвинялся в заочном оскорблении Сеяна:

Ужасные, потрясающие душу клеветы достойны, без сомнения, примерного наказания. Я должен представить твой донос цезарю. Но, восхваляя твое усердие, мой друг, я не могу воздержаться, чтоб не сделать тебе упрека. Ты сделал примерное дело, не жалея и родного отца для блага отечества, но... ты наполнил грудь мою тоскою. Я не мстителен от природы и

319

склонен более простить отца твоего, чем преследовать; но, к несчастью, дело, касаясь меня, касается целого отечества, и тяжелый долг заставляет меня подавить врожденную склонность — забывать обиды. Впрочем, я все-таки постараюсь облегчить свою просьбою у государя участь отца твоего. *(Обращается к Сатрию¹.)* Похвально служение музам, а еще похвальнее, когда с ним соединяется служение отечеству. Рим полон разврата, лихоимства и тайных замыслов против общественного порядка. Искоренять плевелы есть дело достойное каждого верного сына отечества, — также и поэта. Видишь ли, каков Вибий? Для цезаря и отечества он не пожалел и отца родного: вот пример, который я поставлю для подражания всем молодым гражданам Рима. Ты — поэт, бываешь в кругу поэтов, ученых, софистов; между ними много злонамеренных; будучи незамечаемы правосудием, они втайне, как змеи, извергают яд своих мнений; обнаруживать их заранее и лишать возможности причинять дальнейший вред обществу есть дело важное и спасительное. *(Обращается к Пинарию.)* Ты — историк и часто бываешь, конечно, между своими собратями; к сожалению, они мало оправдывают покровительство,

¹ Дело происходит в присутствии поэта Сатрия, пришедшего к Сеяну с тетрадькой поздравительных стихов, и историка Пинария Натты, которого обязанности заключаются в переделке римской истории так, чтоб она не оскорбляла ни Тиверия, ни Сеяна. Прим. М. Е. Салтыкова.)

оказываемое императором искусствам и их служителям. Например, мне попадает в руки история, под названием — *Анналы Римской республики, Кремуция Корда...* просто вещь возмутительная! Автор хвалит злодея Брута и называет убийцу цезаря, божественного Юлия, Кассия — последним из римлян! Каково?! Да за это одно следовало бы отрубить руку, которая осмелилась написать подобные выражения! Вся эта история, с начала до конца, наполнена — если не явно преступными, то двусмысленными выражениями и неуместными похвалами прежней свободе, а следовательно — неблагорасположением к настоящему порядку вещей. Цезарь не любит этих возгласов о свободе и правах гражданских, о славе старого Рима, под которыми обыкновенно стараются укрыть возбуждения к необузданности и безначалию. Без сомнения, за подобные выходки Кремуция Корда следовало бы предать суду сената. Злодей, которого преступные намерения не вполне раскрыты, получит ничтожное наказание и — станет еще дерзновеннее. Справедливость требует, чтобы все тайные замыслы неблагонамеренного человека были обнаружены, дабы можно было истребить, так сказать, самый сок зла. Без сомнения, если Кремуций Корд, дерзнув написать подобные строки в своей истории, нагло похвалил убийц Юлия Цезаря, то, конечно, питал злобу к императору и существующему порядку вещей. Надобно доказать это яснее. Император желал бы, чтоб вся тайна души этого зловредного человека была обнаружена... разумеется, согласно строгой истине и нимало не примешивая клеветы, которая наказывается более всех преступлений.

А вот как сам Тиверий отзывается об отношениях своих к власти и ее наслаждениям.

Видеть глупость целого народа, глупость тысяч,

чувствовать себя выше их и умнее... да!.. Я преследую благородного человека и уверяю всех, что он негодяй, — и все верят этому и величают меня добродетельнейшим и справедливейшим. Ты не раз упрекал меня, зачем я слишком много даю воли сенату, зачем оставляю следы старой республики; ты даже советовал мне — с помощью войска утвердить самовластие. Ах, Сеян! Ты знаешь, что приятнее приготавливаться к наслаждению Венерою, нежели тогда, когда

320

уже насытишь страсть свою; приятнее ловить зверя на охоте, чем поймать его... Только голодный пролетарий-волк, поймав добычу, снедает ее; благородный тигр, прежде чем задушить ее, потешится над нею, выпустит ее из лап, будто дает ей свободу, но потом бросится за нею и опять накроет убийственной лапою. Я не хочу сразу уничтожить свободу Рима: я люблю — уничтожать ее! Эти проблески сопротивления моей власти, эти порывы пылких душ, легко уничтожаемые доносами и раболепным судом, — как это мне нравится! Здесь есть какая-то борьба, в которой я чувствую себя победителем. Мое положение подобно положению страстного игрока, которому всегда везет счастье в игре... А стая доносчиков, которые мне служат, стараются отличиться подлостью, а потом нередко губят самих себя тем же оружием, — ах, как это весело, как это забавно! Римский народ глупеет, подлеет, сам того не замечая; один я это замечаю; один я разумею, что благородно, что низко; один я уважаю тех, которых преследую, и презираю тех, которым благодетельствую; я чувствую, что я выше всех, потому что вижу истину, обманываю всех и имею право смеяться над всеми. Уже в Риме мало остается благородного и

высокого: я начинаю стравливать доносчиков между собою; а когда эти собаки перегрызутся и заедят друг друга, — я отпущу узду своей власти, дам римлянам подышать свободнее, начну покровительствовать литературу, любовь к истине, для того, чтобы снова явились люди, а не бессмысленные скоты, для того, чтобы снова было кого истреблять. Это — охота...

Трудно поверить, чтобы могли быть такие времена! А между тем они были: в том убеждает нас летопись Тацита.